

Вильгельм Гауф

Предание о гильдене

Харчевня в Шпессарте

Вильгельм Гауф

Предание о гульдене

«Public Domain»

1827

Гауф В.

Предание о гульдене / В. Гауф — «Public Domain»,
1827 — (Харчевня в Шпессарте)

«В Верхней Швабии еще до сего дня стоят стены замка Гогенцоллернов, который некогда был самым величественным в стране. Он поднимается на круглой крутой горе, и с его отвесной высоты широко и далеко видна страна. Но так же далеко и даже еще много дальше, чем можно видеть отовсюду в стране этот замок, сделался страшен смелый род Цоллернов, и имена их знали и чтили во всех немецких землях. Много веков тому назад, когда, я думаю, порох еще не был изобретен, на этой твердыне жил один Цоллерн, который по своей натуре был очень странным человеком...»

Вильгельм Гауф

Предание о гильдене

* * *

В Верхней Швабии еще до сего дня стоят стены замка Гогенцоллернов, который некогда был самым величественным в стране. Он поднимается на круглой крутой горе, и с его отвесной высоты широко и далеко видна страна. Но так же далеко и даже еще много дальше, чем можно видеть отовсюду в стране этот замок, сделался страшен смелый род Цоллернов, и имена их знали и чтили во всех немецких землях. Много веков тому назад, когда, я думаю, порох еще не был изобретен, на этой твердыне жил один Цоллерн, который по своей натуре был очень странным человеком. Нельзя сказать, чтобы он жестоко угнетал своих подданных или жил в распре со своими соседями; однако, несмотря на это, никто не верил ему из-за его угрюмого взора, морщинистого лба и резкого, ворчливого характера. Было мало людей, кроме челяди в замке, которые когда-либо слышали, чтобы он говорил обыкновенным образом, как другие люди. Когда он ехал по долине и кто-нибудь при встрече с ним быстро стаскивал свою шапку, останавливался и говорил: «Добрый вечер, господин граф, сегодня славная погода», он отвечал: «Вздор!» или «Сам знаю!». Если кто-нибудь в чем-нибудь не угождал ему или его коню, если с ним в лошине встречался крестьянин с повозкой, так что граф не мог довольно быстро проехать на своем вороном, то он выливал свою злобу в громе проклятий. Однако ни разу не было слышно, чтобы он в этом случае побил крестьянина. В стране его прозвали Грозой фон Цоллерн.

У Грозы фон Цоллерна была жена, которая представляла полную противоположность ему, будучи тихой и приветливой как майский день. Часто дружелюбным словом и снисходительным взглядом она примиряла со своим супругом тех людей, которых он оскорбил резкими выражениями. А беднякам она делала добро везде, где только могла. В летний зной или в ужасную снежную погоду она охотно сходила с крутой горы, чтобы навестить бедных или больных детей. Если на такой дороге ее встречал граф, он ворчливо говорил: «Знаю уж, вздор!» и ехал дальше.

Многих других женщин этот ворчливый возглас устрасил бы и напугал. Одна подумала бы: «Что мне до этих бедных людей, если мой господин не ставит их ни во что?» Другая из гордости или негодования охладела бы, пожалуй, к такому ворчливому супругу.

Но не такова была Гедвига фон Цоллерн. Она любила его по-прежнему; своей прекрасной белой рукой она старалась разгладить морщины на его смуглом лбу, любила и почитала его. Когда через несколько лет небо подарило ей маленького графа, она все-таки продолжала любить мужа не меньше, в то же время выказывая и своему сынку всевозможную заботливость нежной матери. Прошло три года, а граф фон Цоллерн видал своего сына только по воскресеньям после обеда, когда его подносила ему кормилица. Он пристально взглядывал на него, что-то бормотал себе в бороду и отдавал назад кормилице. Однако когда малютка сумел сказать «папа», граф подарил кормилице гильден, но не улыбнулся ребенку.

На третий год в день рождения сына граф велел надеть ему в первый раз штанишки и великолепно разрядил его в шелк и бархат. Затем, приказав вывести своего вороного и другого превосходного коня, он взял мальчика на руки и звеня шпорами начал спускаться по витой лестнице. Увидев это, Гедвига пришла в изумление. Впрочем, она привыкла не спрашивать, куда он собирается и когда вернется. Однако когда он выходил, беспокойство за ребенка на этот раз открыло ее уста.

– Вы уезжаете, граф? – спросила она.

Он не дал никакого ответа.

– Зачем же вы с собой берете малютку? – продолжала она. – Куно пойдет гулять со мной.

– Знаю уж, – возразил Гроза фон Цоллерн и пошел дальше.

Выйдя на двор, он взял мальчика за ножку и, быстро подняв на седло, крепко привязал его платком. Затем он сам вскочил на вороного и рысью поехал из ворот замка, держа в руке повод лошади своего маленького сына.

Сначала малютке, по-видимому, доставляло большое удовольствие ехать с отцом с горы. Он хлопал в ладоши, смеялся и дергал свою лошадку за гриву, чтобы она бежала быстрее, а граф, выражая свою радость, несколько раз воскликнул: «Славный будет малый!»

Но когда они выехали на равнину, храбрость мальчика прошла. Сначала он только робко попросил отца ехать потише. Когда же отец поехал еще быстрее, так что порывистый ветер чуть было не захватил дух у бедного Куно, он стал тихо плакать, потом вышел из терпения и наконец закричал изо всей силы.

– Знаю уж, вздор! – начал кричать отец. – Выехал в первый раз и реветь! Молчи, или...

Но в эту минуту, когда он бранью хотел ободрить сына, его конь поднялся на дыбы, и повод другой лошади выскользнул из его руки. Он изо всех сил старался укротить животное, и когда, успокоив коня, с тревогой оглянулся на сына, то увидел только, как его лошадь одна, без маленького седока, бежала к замку.

Хотя граф фон Цоллерн был суровым и угрюмым человеком, но это зрелище потрясло его душу. Он подумал, что его сын расшибся и лежит где-нибудь на дороге. Он схватил себя за бороду и зарыдал. Но как далеко он ни возвращался, нигде не было видно следа мальчика. Он уже решил, что испуганная лошадь сбросила его в канаву с водой, которая была около дороги. Вдруг он услышал сзади себя, что детский голос кричит его имя, и когда быстро обернулся – что же! Недалеко от дороги, под деревом, сидела старая женщина и на коленях качала мальчика.

– Как попал к тебе мальчик, старая ведьма? – закричал граф в сильном гневе. – Сейчас же давай его сюда ко мне!

– Не торопитесь, не торопитесь, ваша милость, – засмеялась старая безобразная женщина, – как бы вам не накликать беду на вашего статного коня! Вы спрашиваете, где я нашла молодчика? А вот где: его лошадь шла мимо, а он висел, привязанный за одну только ножку, и его волосы чуть не задевали земли. Тут я его и словила в свой фартук.

– Знаю уж! – с гневом воскликнул граф фон Цоллерн. – Теперь давай его сюда! Ведь я не могу сойти – конь дикий и может убить его.

– Пожалуйте мне гильден, – смиренно попросила женщина.

– Вздор! – крикнул граф и бросил под дерево несколько пфеннигов.

– Нет, мне нужен гильден! – продолжала она.

– Как «гильден»? Ты сама не стоишь гильдена! – рассердился граф. – Скорей давай сюда ребенка или я натравлю на тебя собак!

– Вот как? Я не стою и гильдена? – отвечала она с язвительной улыбкой. – Ну, мы еще увидим, что из вашего наследства будет стоить гильден. А пфенниги ваши держите при себе.

С этими словами она бросила графу три мелкие медные монеты, и сумела бросить так ловко, что все три попали как раз в маленький кожаный мешочек, который граф еще держал в руке.

Несколько минут граф не мог вымолвить ни слова от изумления, вызванного этим странным происшествием, но наконец его изумление перешло в ярость. Он схватил ружье, взвел курок и прицелился в старуху. А та совершенно спокойно ласкала и целовала маленького графа, держа его при этом перед собой, так что пуля сперва должна была попасть в него.

– Ты добрый, скромный мальчик, – ласково говорила она, – останься только таким же, и тебе будет хорошо.

Затем она отпустила его и строго погрозила графу пальцем.

– Цоллерн, Цоллерн, вы остались еще должны мне гильден! – крикнула она и поплелась в лес, не обращая внимания на брань графа и опираясь на буковую палочку.

Оруженосец Конрад дрожа сошел с коня, поднял барчука на седло, вскочил сзади сам и поехал за своим повелителем на гору в замок.

Гроза фон Цоллерн брал с собой сына на верховую прогулку в первый и последний раз. Так как мальчик заплакал и стал кричать, когда лошади пошли рысью, то он решил, что его сын изнеженный мальчик, из которого не выйдет ничего доброго, смотрел на него с неудовольствием, и всякий раз, когда мальчик, сердечно любивший отца, приветливо и с лаской подходил к его коленям, он жестом прогонял его и кричал: «Знаю уж! Вздор!» Гедвига терпеливо переносила все злые выходки своего мужа, но такое враждебное обращение с невинным ребенком глубоко огорчало ее. Она много раз болела от ужаса, когда суровый граф жестоко наказывал ребенка за какой-нибудь ничтожный проступок, и наконец умерла в лучших годах, оплакиваемая челядью, всем округом, но особенно горько своим сыном.

С этих пор мысли графа только еще больше отвернулись от сына. Он отдал его на воспитание кормилице и священнику при замке и совсем не обращал на него внимания, особенно после того как вскоре вторично женился на одной богатой девушке, которая через год подарила ему близнецов, двух юных графчиков.

Самой любимой прогулкой Куно была прогулка к старухе, некогда спасшей ему жизнь. Она всегда много рассказывала о его умершей матери и о том, сколько добра та сделала для нее. Слуги и служанки часто предостерегали его, что не следует часто ходить к госпоже Фельдгеймер – так звали старуху, – потому что она ни больше ни меньше как ведьма; но мальчик не боялся, так как священник при замке внушил ему, что нет никаких ведьм и что все это сказки и выдумки, будто некоторые женщины могут колдовать и летать по воздуху верхом на ухвате и на черепках. Правда, он видел у госпожи Фельдгеймер разные вещи, назначение которых не мог понять. Ловкую штуку с тремя пфеннигами, которые она так искусно бросила в отцовский кошелек, он помнил совершенно ясно. Кроме того, она умела готовить всевозможные искусственные мази и питье, которыми лечила людей и скот, но на нее наговаривали и это была неправда, что у нее есть сковорода непогоды, и когда она держит ее над огнем, тотчас поднимается ужаснейшая буря. Она научила маленького графа многому, что ему было полезно, например, всевозможным средствам против болезней лошадей, приготовлению питья против бешенства, приманки для рыб и многим другим полезным вещам. Вскоре госпожа Фельдгеймер сделалась его единственным обществом, потому что его кормилица умерла, а мачеха о нем совсем не заботилась.

Жизнь Куно сделалась еще печальнее, чем прежде, когда мало-помалу стали подрастать его братья. Им посчастливилось при первой поездке не свалиться с лошади, и поэтому Гроза фон Цоллерн решил, что они разумные и способные ребята. Он сильно полюбил их, ездил с ними по целым дням и учил их всему, что знал сам. Но не очень многому хорошему научились они таким образом. Читать и писать он сам не умел, и оба его достойных сына тоже не теряли на это времени. Но зато уже на десятом году они умели браниться так же отвратительно, как их отец, с каждым заводили ссоры, между собой жили как кошка с собакой, и только когда хотели учинить над Куно какую-нибудь штуку, соединялись и делались друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.